

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Замечательный человек

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=615435
Аверченко А.Т. Рассказы: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-29281-3

Аннотация

«... – Ну ладно! Печатайте сто, только так: пятьдесят штук одного сорта и пятьдесят штук – другого.

– На разной бумаге?

– Нет – я говорю, разного сорта. На одних напечатайте так: «Светлейший князь Иван Иванович Голенищев-Кутузов», а на других просто: «граф Петр Петрович Шувалов». Ну там коронки разные поставьте, вензеля – как полагается.

Я с любопытством смотрел на этого представителя знаменитейшей дворянской русской фамилии и только немного недоумевал в душе: какая же из двух фамилий принадлежала озабоченному господину? ...»

Содержание

I	4
II	8
III	13

Аркадий Аверченко

Замечательный человек

I

Однажды я зашел в маленькую, полутемную типографию с целью заказать себе визитные карточки. В конторе типографии находилось двое людей: конторщик и полный, рыжий господин с серьезным, озабоченным лицом.

– Меньше ста штук нельзя, – монотонно говорил конторщик. – Меньше ста штук нельзя. Нельзя меньше ста штук.

– Разве не все равно: сто или шесть штук? Куда мне сто? Мне и шести штук много.

– Шесть штук будут стоить то же, что и сто. Что же за расчет вам? Что же за расчет?.. Вам-то – какой расчет? – спрашивал печально и лениво конторщик.

– Ну ладно! Печатайте сто, только так: пятьдесят штук одного сорта и пятьдесят штук – другого.

– На разной бумаге?

– Нет – я говорю, разного сорта. На одних напечатайте так: «Светлейший князь Иван Иванович Голенищев-Кутузов», а на других просто: «граф Петр Петрович Шувалов». Ну там коронки разные поставьте, вензеля – как полагается.

Я с любопытством смотрел на этого представителя зна-

менитейшей дворянской русской фамилии и только немного недоумевал в душе: какая же из двух фамилий принадлежала озабоченному господину?

– Будьте добры напечатать мне сотню визитных карточек, – сказал я, приближаясь к конторщику, – моя фамилия – Александр Семенович Пустынский.

Незнакомый господин издал легкий звук, похожий на радостное икание.

– Пустынский?! Вы и есть знаменитый писатель Пустынский?

– Ну уж и знаменитый!.. – сконфузился я. – Так просто... пишу себе.

– Нет, нет! – захолопотал озабоченный господин. – Не оправдывайтесь! Вы – знаменитый писатель. Очень рад познакомиться!

– Вы меня смущаете, – улыбнулся я, пожимая его руку. – А как ваша фамилия: князь Голенищев-Кутузов или граф Шувалов?

– Перетыкин Иван моя фамилия – вот как! Не слышали? У меня еще деда повесили за участие в великой французской революции.

– Вы – Перетыкин?! А зачем же вы такие карточки заказывали?

Мне показалось, что он немного смутился.

– А?.. Это так... Маленькое пари... Шутка... Можно вас проводить? Нам, кажется, по пути?..

Мы вышли из типографии и зашагали по безлюдной улице.

– Пойдем налево, – сказал Перетыкин. – Там народу больше.

Мы свернули на шумный проспект. Навстречу нам шли два господина. Мой новый знакомый схватил меня под руку и почти прокричал на ухо:

– От Леонида Андреева писем давно не получали?

– Я? Почему бы мне получать от него письма? Мы даже не знакомы.

Мы молча зашагали дальше. Навстречу нам показались две дамы.

– Отчего не видел вас во вторник у Лины Кавальери? Она ждала, ждала вас!..

Проходившие дамы, заинтересованные, замедлили шаги и даже повернули в нашу сторону головы. Одна что-то шепнула другой.

– Зачем вы это спрашиваете? – удивился я. – Никогда моя нога не была в ее доме. Может быть, она ждала кого-нибудь другого?..

– Может быть, может быть, – устало, равнодушно пробормотал Перетыкин, но, завидев впереди какого-то знакомого, оживился и громким голосом дружелюбно закричал: – Заходите ко мне когда угодно, Пустынский! Для знаменитого писателя Пустынского у его приятеля Перетыкина всегда найдется место и прибор за столом!

Я стал понимать вздорную, суетную натуру Перетыкина. Перетыкин начинал действовать мне на нервы.

Я промолчал, но он не унимался. Когда мимо нас проходил какой-то генерал с седыми подусниками и красными отворотами пальто, мой новый знакомый приветственно махнул ему рукой и крикнул:

– Здравствуй, Володя! Как поживаешь? Совсем забыл меня, лукавый царедворец!..

Генерал изумленно посмотрел на нас и медленно скрылся за углом.

– Знакомый! – объяснил Перетыкин. – Зайдем ко мне. У меня есть к вам большая просьба, которую я могу сказать только дома.

– Хорошо. Пожалуй, зайдем. Только – ненадолго, – согласился я с большой неохотой.

II

Он жил в двух комнатах, обставленных нелепо и странно. Одна из них вся была увешана какими-то картинами и фотографическими портретами с автографами.

– Вот мой музей, – сказал Перетыкин, подмигнув на стену. – Все лучшие люди страны дарили меня своим вниманием!..

Действительно, большинство портретов, с наиболее лестными автографами, принадлежало известным, популярным именам.

На портрете Чехова было в углу приписано:

«Человеку, который для меня дороже всех на свете – Ивану Перетыкину, на добрую обо мне, многим ему обязанному, память».

Лина Кавальери написала Перетыкину более легкомысленно:

«Моему amico Джиованни на память о том вакхическом вечере и ночи, о которых буду помнить всю жизнь. Браво, Ваня!»

Немного удивили меня теплые, задушевные автографы на портретах Гоголя и Белинского и привела в решительное недоумение авторская надпись на портрете, изображавшем автора ее в гробу, со сложенными на груди руками.

– Садитесь, – сказал Перетыкин.

Постарался он посадить меня так, чтобы мне в глаза бросилось блюдо с разнообразными визитными карточками, на которых замелькали знакомые имена: Ф. И. Шалапин, Лев Толстой, Леонид Андреев...

Даже, откуда-то снизу, выглянула скромная карточка с таким текстом:

«Густав Флобер – французский литератор».

Я улыбнулся про себя, вспомнив о «графе Шувалове» и «Светлейшем князе Голенищеве-Кутузове», и спросил:

– Какое же у вас ко мне есть дело?

Он взял с этажерки одну из моих книг и подsunул ее мне:

– Напишите что-нибудь. Такое, знаете: потрогательнее.

– Да зачем вам? Ведь мы с вами еле знакомы – что же я могу написать? Ну, написать вам: «На добрую память»?

Он задумчиво поджал губы.

– Суховато... Вы такое что-нибудь... потеплее.

Я пожал плечами, взял перо и написал на книге:

«Лучшему моему другу и вдохновителю, одному из первых людей, с гениальным проникновением открывших меня, – милому Ване Перетыкину. Пусть он вечно, вечно помнит своего Сашу!»

Он прочел надпись и удовлетворенно потрепал меня по плечу. Потом сел около меня. Я молчал, наблюдая за его ухищрениями, которые видел насквозь. Ухищрения эти состояли в том, что Перетыкин вытягивал левую руку с бриллиантовым кольцом на пальце, обмахивался ею, будто бы из-

немогая от жары, клал ее на мое колено, но все это было напрасно.

Я упорно не замечал кольца.

Тогда он сказал, как будто бы думая о чем-то постороннем:

– Плохие времена мы переживаем... Вера в народе стала падать...

– Да, ужасное безобразие!

– Народ не ценит своих святынь... Церкви подвергаются разграблениям... Драгоценные иконы ломаются и расхищаются...

– Да, ужасное безобразие!

– Недавно, например, обокрали икону... Унесли несколько бриллиантов громадной стоимости и величины. Я читал описание: размер бриллиантов приблизительно такой, как у меня на пальце...

– Школы нужны, – перебил я его на совершенно неподходящем для него месте.

Он вздохнул и, подумав немного, кивнул головой.

– Это верно. Нужны школы, а говорят, что денег нет. Как нет денег? Вводите налоги. Можно обложить все, главным образом предметы роскоши. Например, золотые и бриллиантовые вещи. Например, вот это кольцо... Вы знаете, сколько я за него заплачу...

– Нет, что там налоги! Главное – режим, – опять перебил я его.

Я насквозь видел все его штуки: он лихорадочно, болезненно стремился похвастаться своим бриллиантовым кольцом, а я все время отбрасывал его на другой путь. Но он был неутомим.

– Вы говорите – режим? Режим, конечно, сыграл свою роль. Одни эти еврейские погромы, когда разорялись самые богатые еврейские фирмы и торговли. Ха-ха! Вы знаете, после погромов было не в редкость встретить на руке босяка вот такое кольцо, а ведь это кольцо, батенька, стоит...

– Босяки здесь ни при чем. Они сами бы...

Он схватил меня за руки и скороговоркой закончил:

– ...Стоит две с половиной тысячи! Да-с! Небольшая вещьца, а заплочено две с половиной тысячи!! Хе-ха!..

Пришлось подробно рассмотреть кольцо и убедиться в его стоимости.

Перетыкин вынул из кармана золотые часы и стал для чего-то заводить их.

Он упорно хотел, чтобы я заинтересовался этими часами, а я упорно не хотел интересоваться ими. Встал и сказал:

– Пойду. Кстати, каким это образом у вас на фотографическом портрете Пушкина его автограф?..

– Этот? Это я получил от него давно. Когда еще был мальчиком...

– Изумительно! – удивился я. – Да ведь Пушкин уже умер лет семьдесят тому назад.

Призадумавшись, он ответил:

– Да, действительно что-то странное. Впрочем, это, кажется, его сын подарил. Не помню. Давно было. Ну, ничего!

Я еще хотел спросить: как это покойник в гробу, со сложенными руками, мог дарить свои автографы на портретах, изображающих его в этой скорбной, печальной позе, – но не спросил и ушел.

Перетькин проводил меня до ворот и, увидев проходившую мимо даму с господином, крикнул мне вдогонку:

– Когда будете проезжать Бельгию – привет и поцелуй от меня Метерлинку! До свидания, Пустынский! Напишите что-нибудь замечательное!!

Прохожие оглянулись.

III

Недавно я встретил на улице погребальную процессию. Сзади катафалка шли человек двадцать родственников, а за ними, немного поодаль, брел Перетыкин. Он часто подносил к красным глазам платок, заливался обильными слезами, чем растрогал меня до глубины души. Очевидно, у этого человека, кроме смешных, нелепых слабостей, было большое сердце.

Я подошел к нему и деликатно взял его под руку.

– Успокойтесь! Вы кого-нибудь потеряли? Это ужасно, но – что ж делать!

Он печально покачал головой.

– Не утешайте меня! Я все равно не успокоюсь!! Эта потеря незаменима.

– Кто же это умер?

– Кто? Мой лучший друг! Я все ночи напролет просиживал у его изголовья, но – увы! – ни дружба, ни медицина ничего не могли поделать... Он угас на моих руках. Последние его слова были: «Ничего! Все-таки я кое-что сделал для родной литературы!»

– А! Он был литератор? Как же его звали?

Он укоризненно посмотрел на меня:

– Боже мой! И вы не знаете?! Вы не знаете, кого мы потеряли?! Кто умер? Достоевский умер! Наша гордость и близ-

кая мне душа.

– Что за вздор! Достоевский умер лет двадцать тому назад! Я это знаю наверное!..

Он смущенно посмотрел на меня.

– Не... может... быть... Эй, как вас? Родственник! Как фамилия покойника?

– Достоевский! – ответил плачущий родственник.

– Ага! Вот видите!

– А кем он был при жизни? – спросил я.

– Он? Письмоводителем у мирового судьи! Совсем молодым человеком и помер.

Перетыкин вынул из кармана платок, тщательно утер глаза и равнодушно сказал мне:

– Пойдем куда-нибудь в ресторанчик. Дотащутся и без нас!..

Мимо нас прошли два офицера. Перетыкин проревел им вслед:

– Пустынский, плутишка! Не забудьте же воспользоваться той темой для рассказа, что я вам дал.

Я рассмеялся. Дал ему слово воспользоваться, и сделать это теперь же, не откладывая дела в долгий ящик.